

Дыховичный стал известен еще в свои таганские времена, когда Владимир Высоцкий написал о нем шуточную поэму «Вступительное слово про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Дыховичного». Однако подлинная слава нашла его, когда он обратился к кинорежиссуре. «Черный монах» был успехом, «Прорва» — сенсацией, а недавняя «Копейка» — одним из самых громких отечественных фильмов последнего года. Наконец, Дыховичный стал героем очередного скандала вокруг бывшей команды НТВ (ныне команды ТВС): именно неудача его проекта «Деньги» стала, как утверждают владельцы канала, причиной замены гендиректора Александра Левина на Олега Киселева. А тот факт, что Дыховичному на днях исполняется 55, не заслуживает особого внимания.

«За «Деньги» нам недоплатили крупную сумму»

— Как вы относитесь к тому, что вас называют одним из виновников ухода Левина на вторые роли?

лю после начала проекта свалил, увез с собой еще четверых артистов. Латыльдыры пришлось срочно, за счет личных связей и дружб. Далее: я согласился на то, что в качестве сценариста мне был при-

бивается. Остальные — ожившие иллюстрации и скульптуры, упражнение в тоталитарной эстетике. Но для 1992 года, когда эту эстетику никто не пытался анализировать вообще (только уничтожали, причем не понимая), «Прорва» была прорывом, простите за каламбур. В этом для меня оправдание картины, которую, согласен, трудно любить и принимать. «Копейка» — совершенно другое дело, в ней мы с Сорокиным не ставили себе задачу играть со штампами, потому что все это Сорокин уже умеет. Потому ему и «Прорва» понравилась — как упражнение в мертвой эстетике. Первоначально вообще предполагалась экранизация романа «Тридцатая любовь Марины», но потом мы решили сделать комедию о пределе советских мечтаний — о «Жигулях». И здесь идея была как раз в том, чтобы воссоздать дух это-

получилось хорошо и стало модным, но это не то, что делал бы я. Так что никогда не бойтесь, что у вас украдут идею: идея — это способ ее реализации, а он штучный.

«Магнитная аномалия» — это была история про любовь. Девушка живет рядом с крупной магнитной аномалией, в магическом таком, мистическом месте, потому что ведь никто и до сих пор не понимает, почему такие вещи возникают. И у нее есть мечта — выбрать в сказку; сказка, по тогдашним представлениям, находилась в Америке. При этом она хочет родить ребенка от человека, с которым жить не хочет и не может, — вечная драма здешних девушек. Этого ребенка она увозит в Штаты, но тут-то и начинается магнитная анома-

лия: и он, и весь мир обретут счастье только после того, как мальчик соединится со своим настоящим отцом. В моей системе ценностей отношения отца и сына — очень тонкая, значимая, едва ли не главная вещь, без этого нет гармонии. Ну а у нас она в конце достигалась.

«Ставить «Эдичку» в Штатах я отказался»

И вот этой идеей заинтересовался американский продюсер немецкого происхождения, чрезвычайно продвинутый человек по фамилии Шульц. Он придал мне американского сценариста, что уже само по себе было абсурдом: Сорокин, я плюс американец, хороший, умный американец, но та-

кой... типа Тарантино. Он тут за два дня все понял, они вообще очень быстро все понимают про нас. То есть им так кажется. На третий день он уже ваял какую-то развесистую клюкву, чуть ли не про медведей на улицах. Предусмотрено было участие звезд — не суперзвезд, стоящих миллионы, а звезд второго ряда, тысяч по пятьсот, которые работают лучше метазвезд, потому что хотя в первый ряд. Шульц позвал меня на ужин для окончательного обговаривания деталей — и тут я во второй раз в жизни упустил золотой шанс (первый был, когда я отказался в Штатах ставить «Эдичку»: они хотели малину, а книгу такой заповедной искренности нельзя было экранизировать в рамках голливудского стандарта).

«старые песни о главном» задумывал я

— Как к известному преувеличению моих скромных заслуг. «Деньги» — проект Левина, под него долго искали режиссера, никто не соглашался по причине скромности сумм и неподъемности задачи. Но я купился, о чем не жалею. Левин — исключительно интересный человек. Его ошибка заключается в том, что он недооценил истинные возможности проекта и склонился к «мыльному», капустническому варианту. Мне это было совершенно неинтересно, я не люблю КВН и эстрадный юмор вообще, меня интересовал небывалый еще формат — снимать актуальный сериал в бешеном темпе, по горячим следам событий. Что есть главный фетиш нашего времени? Деньги. Вокруг них можно закрутить массу сюжетов: деньги и выборы. Деньги спонсоров и искусство. Вообще, «Деньги» — это звучит звонко, такое название грех трагичить на комедийное шоу. И оно начало выбираться из этой колеи, но времени как следует встать на крыло нам уже не дали. Рейтинг, кстати, прыгал, по временам он был весьма приличный, хотя противостоять приходилось блокбастерам, которые в это время шли по другим каналам. Времени на запуск проекта не хватало катастрофически. Чтобы привести туда своих людей, найти грамотных сценаристов и снять как минимум три «пилота» — просто попробовать разные варианты стилистики, — мне требовалось два месяца. Дали три недели. Мы вышли летом, в самое неудобное время. Дальше начинаются мои ошибки: мне не следовало связываться с командой, называвшейся «Квартет И». Очень может быть, что все они в самом деле хорошие артисты — в своем жанре. Но я имел в виду другой — нечто среднее между сериалом и реалити-шоу, где наряду с актерами обязаны были появляться реальные персонажи и ситуации. Было ведь условие канала — треть съемок происходит на натуре, в реальных объектах. «Квартет И» с самого начала делал это в капустнических традициях, а через неде-

дан от канала драматург, специалист по сериалам, человек очень талантливый, но, повторяю, работающий в другом жанре. Половину приходилось придумывать самому. Я даже дал втянуть себя в актерство, в исполнение роли олигарха — хотя с актерской профессией давно завязал и соблюдал себя, как девушка. Ничего не помогло: как только сериал начал выбираться из комикования в серьезное и оперативное социальное кино, все это дело прекратилось. Причем нам недоплатили довольно крупную сумму, а для меня наиболее чувствительным уроном стало то, что я поссорился с приятелем-бизнесменом, который помогал этому, как выяснилось, безнадежному делу. Естественно, я никакого отчаяния не испытываю по этому поводу: работа была каторжная — сначала по 4, потом по 6 серий в неделю, а главное — я все-таки в конце концов нашупал жанр. Теперь я знаю, как это делать. Проект будет предложен другим каналам, может, оформится в какой-то фильм — пока не знаю. Однако формат найден, и я, конечно, его не брошу.

«С Парфеновым не сошлись — у него курить нельзя»

— Одновременно с «Деньгами» у вас вышла «Копейка» — фильм, вызвавший полярные оценки. Сразу хочу вам сказать, что мне он понравился гораздо больше «Прорвы», которую я терпеть не могу...

— Значит, насчет «Прорвы»: эта картина сознательно сделана в эстетике «Книги о вкусной и здоровой пище». Мраморный рог изобилия в санаторном саду. Там есть два живых персонажа — Поэт, которого сыграл мой сын и которому приданы черты прекрасного писателя Добычина, и героиня Уты Лямперт, которая из всего этого крем-

го времени — очень трудноуловимый, однако многим памятный. Нельзя сюсюкать над своим детством, над своей жизнью; нельзя и объявлять ее не бывшей. А честный фильм про семидесятые годы сделать очень просто: надо только помнить, что в России всегда существует зазор между человеком и его социальной функцией, между временем и его духом. Скажем, застой — а было и счастье, и бешеный интеллектуальный напор. Какой-нибудь полковник, суший зверь — и милейший человек, способный вдруг на подвиг самоотречения. Трамвай — и тот не соответствует тут своей роли, поскольку приходит не вовремя; но именно благодаря этому зазору Россия, может быть, и жива. Потому что в самые бесчеловечные времена в ней таким образом остается человеческое.

— Как вообще вышло, что вы стали работать с Сорокиным?

— Для меня самого это вопрос сложный, поскольку Сорокин — он такой лев-одиночка. Работает один, редко появляется где-то. Но ему после «Прорвы» захотелось что-то сделать со мной вместе, а я не мог такую возможность терять. Придумана была сначала гениальная история, которая называлась «Магнитная аномалия». Без дураков — это мог быть мой лучший сценарий.

— Но вы его, само собой, не перескажете, боясь плагиата.

— Плагиат не существует. Нельзя украсть идею у человека, который собрался ее воплотить. Вы сделаете совершенно другое. «Старые песни о главном» задумывал я, по предложению Лени Парфенова. Потом мы не сошлись характерами (а может, дело в том, что у него дома нельзя курить — я не могу без курения работать), и проект осуществили другие люди. Это

фото Андрей Струнина

Ну вот, мы ужинаем, идет обсуждение сюжета, и тут Шульц начинает меня медленно выворачивать к тому, что пусть мальчик остается в Штатах. Потому что там очень хорошо, а отец совершенно необязателен. После чего начался спор, едва не перешедший в драку: я доказываю, что для меня принципиально важен отец. А он, выпив, вдруг признается, что отец у него погиб на русском фронте, а мать умерла родами. И воспитывали его бабушка с дедушкой, и родные родители никогда бы так его не баловали. И он считает, что без отца и матери даже лучше. А главное — он не может понять, почему я так цепляюсь за эту страну: ведь там же лучше, лучше, в Америке! Почему ее и ребенка тянет сюда какая-то магнитная аномалия, когда настоящий магнит находится там?!

И тут я ему кричу в ответ, что здесь похоронены мои родители, которые прожили мученическую, в общем, жизнь — а не жаловались, и очень были счастливы, да и вообще тут моя страна, и пусть он со своей Америкой катится в ж... Так, на несвойственной мне пафосно-патриотической ноте, закончилась история нашего с Сорокиным лучшего проекта.

■ Дмитрий Быков.

23.10.2002

Дыховичный Иван